

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 5, Pp. 1151–1165, 2024
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 801.81, 930.2

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-1151-1165

Восстание 60 богатырей 1883–1885 гг. в фольклоре тувинцев

Елена Валерьевна Айыжы¹, Антонина Саар-ооловна Донгак², Артыш Маадыр-оолович Монгуш^{3,4}

- 1 Тувинский государственный университет (д. 5, ул. Ленина, 667000 Кызыл, Российская Федерация)
доктор исторических наук, профессор
 0000-0002-4289-3543. E-mail: aiygy@mail.ru
- 2 Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований (д. 4, ул. Кочетова, 667000 Кызыл, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
 0000-0002-7717-1786. E-mail: antdon@mail.ru
- 3 Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований (д. 4, ул. Кочетова, 667000 Кызыл, Российская Федерация)
главный специалист, аспирант Тувинского государственного университета
- 4 Тувинский государственный университет (д. 5, ул. Ленина, 667000 Кызыл, Российская Федерация)
аспирант
 0000-0003-1732-0601. E-mail: art510@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Айыжы Е. В., Донгак А. С., Монгуш А. М., 2024

Аннотация. *Введение.* До начала 1940-х гг. в при освещении истории Тувы имелось устоявшееся мнение, что так называемые «шестьдесят аратов-скотокрадов», поднявших восстание в 1880-х гг. — это «всего лишь воры, мародеры, грабители», угонявшие скот у богатых нойонов из Монголии. Лишь при независимой Тувинской Народной Республике (1921–1944) ее руководителями и Тувинской народно-революционной партией было принято решение о сборе и записи устных историй — воспоминаний детей и родственников участников восстания 1883–1885 гг., об установлении подлинной правды о лидерах восстания, которых назвали «шестьюдесятью богатырями», изучении причин возникновения и цели этого восстания, систематизации и комплектации источников, документов на старомонгольской письменности в Государственном архиве Тувинской Народной Республики (ныне — Национальном архиве Республики Тыва) и Партийном архиве Тувинской народно-революционной партии. *Цель и задачи исследования* — анализ фольклорных текстов различных жанров о восстании «шестьдесят богатырей» (1883–1885 гг.); определение их жанрового своеобразия и выявление основного сюжетно-мотивного состава и художественно-стилистических черт. *Материалами и источниками исследования* послужили труды историков (Ю. Л. Аранчына, В. И. Дулова, Ш. Б. Чимитдоржиева, В. А. Киселя), фольклористов (Г. Н. Курбатского, З. К. Кыргыз), а также

рукописные материалы научного архива Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований. При анализе текстов использовались методы культурно-исторического подхода, поскольку эти фольклорные тексты сложились на фоне пережитых народом трагических событий и построены на традиционных образах и символах местной фольклорной традиции. *Результаты* исследования показали, что в течение более чем 100 с лишним лет тувинский народ бережно хранит в исторической памяти подвиг своих предков, их героический вклад в национальную освободительную борьбу против тирании цино-китайских оккупантов и других эксплуататоров. *Выводы.* Проанализировав фольклорные тексты, мы приходим к выводу, что по своему идейно-тематическому содержанию они относятся к *историческому фольклору*, сложившемуся в середине 1880-х гг., и художественно-стилистические характеристики свидетельствуют, что данные образцы фольклора сочинены в рамках традиционной народно-поэтической традиции тувинцев.

Ключевые слова: Тува, Маньчжуро-Цинская империя, араты-скотокрады, вооруженное восстание, «шестидесят беглецов», поимка и казнь, фольклорные тексты, жанры, художественно-стилистические характеристики

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта «Комплексные этногенетические, лингвоантропологические исследования родовых групп Тувы: универсальность, локальность, трансграничье» (№ 22-18-20113, <https://rscf.ru/project/22-18-20113/>).

Для цитирования: Айыжы Е. В., Донгак А. С., Монгуш А. М. Восстание 60 богатырей 1883–1885 гг. в фольклоре тувинцев // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 5. С. 1151–1165. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-1151-1165

The Aldan-Maadyr Rebellion of 1883–1885 in Tuvan Folklore

Elena V. Aiyzhy¹, Antonina S. Dongak², Artysh M. Mongush^{3,4}

¹ Tuvan State University (5, Lenin St., 667000 Kyzyl, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor

 0000-0002-4289-3543. E-mail: aiygy[at]mail.ru

² Tuvan Institute for Humanities and Applied Socioeconomic Research (4, Kochetov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Leading Research Associate

 0000-0002-7717-1786. E-mail: antdon[at]mail.ru

³ Tuvan Institute for Humanities and Applied Socioeconomic Research (4, Kochetov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation)

Chief Specialist

⁴ Tuvan State University (5, Lenin St., 667000 Kyzyl, Russian Federation)

Postgraduate Student

 0000-0003-1732-0601. E-mail: art510[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Aiyzhy E. V., Dongak A. S., Mongush A. M., 2024

Abstract. Introduction. Up to the early 1940s, when it came to discuss Tuva's history of the nineteenth century, related conventional opinions would state that the so-called 'sixty arat-livestock raiders' were 'mere thieves, marauders, and robbers' to have stolen cattle from rich *noyon*-landlords in Mongolia. And only during the independence period — that of the Tuvan People's Republic (TPR, 1921–1944) — leaders of the Republic and the Tuvan People's Revolutionary Party (TPRP) decided to collect and record oral narratives — memories of children and relatives of the Rebellion's participants to establish the truth about the 'sixty heroes', investigate some actual reasons and goals of the event, systematize and complete related sources, documents in Classical Mongolian once housed by the State Archive of the TPR (nowadays — National Archive of the Tyva Republic) and the TPRP Party Archive. *Goals.* The article attempts an analysis of multi-genre folklore texts dealing with the Aldan-Maadyr Rebellion (1883–1885). To facilitate that, the work shall determine the latter's genre features and identify key plot/motif patterns, artistic and stylistic aspects. *Materials.* The study examines writings of historians (Yu. Aranchyn, V. Dulov, Sh. Chimitdorzhiev, V. Kisel), folklorists (G.

Kurbatsky, Z. Kyrgys), as well as manuscripts contained in scientific archives of the Tuvan Institute for Humanities and Applied Socioeconomic Research. The analysis involves research methods inherent to the cultural historical approach, since the specified folklore narratives would take shape in contexts of dramatic events experienced by the people, and rest on traditional images and symbols of the local folklore tradition. *Results.* The study shows the Tuvan people's historical memories have been carefully preserving the feat of ancestors, their heroic contribution to the national liberation struggle against the tyranny of the Qing-Chinese occupiers and other exploiters. *Conclusions.* So, in terms of ideological and thematic contents, the examined texts can be identified as historical folklore patterns that shaped in the mid-1880s, and their artistic and stylistic characteristics attest to those were composed within the Tuvan folk-poetic tradition.

Keywords: Tuva, Manchu-Qing Empire, *arat* cattle raiders, armed rebellion, 'sixty fugitives', capture and execution, folklore texts, genres, artistic and stylistic characteristics

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 22-18-20113 'Comprehensive Ethnogenetic and Linguoanthropological Research into Clan / Tribal Groups of Tuva: Universal, Local, and Cross-Border Features'. Available at: <https://rscf.ru/project/22-18-20113/>

For citation: Aiyzhy E. V., Dongak A. S., Mongush A. M. The Aldan-Maadyr Rebellion of 1883–1885 in Tuvan Folklore. *Oriental Studies*. 2024; 17 (5): 1151–1165. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-1151-1165

1. Введение

О восстании «60 богатырей» 1883–1885 гг. в Туве не было никаких официальных данных вплоть до начала 1940-х гг., и при освещении истории Тувы того периода было распространено устоявшееся еще со времен Цинской империи мнение, что казненные в Улясутае отсечением головы араты — «это всего лишь „воры, мародеры, грабители“» [Аранчын 2011: 9], угонявшие скот у богатых нойонов из Монголии, пока в 1936 г. заместитель председателя Центрального комитета Тувинской народно-революционной партии (ТНРП) А. Ш. Байыр не сдал материалы, переведенные им с монгольского языка, под названием «Материалы, собранные за период временных курсов Особого монгольско-тувинского сектора Московского института востоковедения», в архив Ученого комитета (с 1945 г. — Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ТНИИЯЛИ); ныне — Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований (ТИГПИ)). Эти материалы на тувинском языке, написанные латинской графикой, использовались им для преподавания истории Тувы и Монголии на временных курсах партработников ТНРП [НА ТИГПИ. РФ. Оп. 1. Д. 365. Л. 58–59].

Как отмечал Ю. Л. Аранчын, позже, в 1941 г., руководителями Тувинской Народной Республики — ТНР (1921–1944 гг.) и ТНРП было принято решение о сборе и записи устных историй — воспоминаний детей и родственников участников того восстания, об установлении подлинной правды о «шестидесяти богатырях», об изучении об причин возникновения и цели этого восстания, систематизации и комплектации источников, документов на старомонгольской письменности в Государственном архиве ТНР (ныне — Национальном архиве Республики Тыва) и Партийном архиве ТНРП [Аранчын 2011: 6–7]. Цель и задачи статьи — анализ фольклорных текстов различных жанров о восстании «шестидесяти богатырей» (1883–1885 гг.); определение их жанрового своеобразия и выявление основного сюжетно-мотивного состава и художественно-стилистических черт.

2. Материалы и источники

Анализируемые в настоящей статье фольклорные тексты были отобраны из трудов историка Ю. Л. Аранчына [Аранчын 1985; Аранчын 2003; Аранчын 2011], который изучил все известные ему источники и опубликовал в своей монографии «Тыва улустун маадырлыг оруу» «Героический путь

тувинского народа (исторические очерки)» [Аранчын 2011] эти материалы, включая записи Н. Ф. Катанова, впервые записавшего отдельные песни тувинцев, посвященные восстанию «шестидесяти богатырей», которые в дальнейшем были опубликованы В. В. Радловым (в девятой части изданных им «Образцов народной литературы северных тюркских племен» — «Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов») [Образцы 1907], образцы песен из монографии А. Н. Аксенова «Тувинская народная музыка» [Аксенов 1964]. Подчеркнем, что Ю. Л. Аранчын проанализировал все материалы Научного архива Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований (НА ТИГПИ) и архивные документы из Национального архива Республики Тыва на монгольском языке, касающиеся темы шестидесяти богатырей.

Другим историческим трудом, где описывалось восстание «шестидесяти богатырей», стала монография известного сибирского ученого-историка В. И. Дулова [Дулов 1956].

Следует отметить, что ранее к настоящей теме обращалась и этномузыковед Е. Л. Тирон, которая в статье «Историческая память о восстании «Алдан Маадыр» в песенном фольклоре тувинцев» ставила целью изучение «музыкальных особенностей песен о восстании „шестидесяти богатырей“, но, сетуя на недостаточность материала, проанализировала нотировки двух песен — «Туттурбайн чорза-чорза» («Не сдаваясь долго-долго [врагу]») и «Буура даа» («Верблюжий утес»), сделанные А. Н. Аксеновым [Тирон 2017: 54]. Е. Л. Тирон считает перспективными задачами исследования в данном направлении «поиск, расшифровку и анализ неопубликованных архивных материалов по тувинским народным песням о восстании шестидесяти богатырей. Это позволит подробнее охарактеризовать поэтическую и музыкальную стилистику песен о восстании „Алдан Маадыр“» [Тирон 2017: 55].

3. Социально-экономические причины восстания «шестидесяти богатырей»

Впервые в тувиноведческой исторической науке книга, посвященная рассматриваемому восстанию, под названием «Восстание шестидесяти богатырей» была написана тувинским историком Ю. Л. Аранчыном на тувинском языке [Аранчын 1985]. В ней он вкратце описал историю тувинского народа с древнейших времен и до антиманьчжурского восстания 1883–1885 гг., представил материалы о немаловажной роли участия добровольцев из Тувы в освобождении в 1912 г. города-крепости Ховд в Западной Монголии от маньчжурской администрации. Книга была переиздана [Аранчын 2011].

Причиной антиманьчжурского восстания 1883–1885 гг., названного в советское время восстанием «шестидесяти богатырей» [Аранчын 2011: 68–78, 79–86], явилось то, что многие тувинские чиновники и правители разных рангов, одержимые жадностью, алчностью, ради обогащения и удержания власти отбирали из числа своих поданных самых нищих зависимых людей — крепких молодых людей — и заставляли их воровать скот на территории Западной Монголии. Подстрекатели обеспечивали парней лошадьми, едой, одеждой, снабжали конским снаряжением, отправляли их на грабеж и воровство, далее сами наживались на присвоении и перепродаже угнанного скота [Дулов 1956: 287–288; Катанов 2007: 543].

Угон скота был издревле известен у многих кочевых народов Центральной Азии. В частности российский ученый-археолог В. А. Кисель отмечает, что традиция набега к соседям за добычей была хорошо известна древним кочевникам еще со времен скифов [Кисель 2018: 4]. Автор, опираясь на обширный источниковедческий материал, подробно описал исторические истоки и социально-экономические причины данного явления, обыкновенно называемого скотокрадством [Кисель 2018: 153–161].

Как пишет В. А. Кисель, «похищение крупного рогатого скота — типичное занятие мужчин в традиционной культуре тувинцев. Таких похитителей называли кайга-

лами, то есть удальцами или смельчаками. Обычно скотокрадством занимались молодые неженатые мужчины» [Кисель 2018: 154].

Исследователи Тувы конца XVIII – начала XX в. неоднократно отмечали редкое умение и профессиональные навыки кайгалов. «Кайгалы действовали на свой страх и риск, не ставя в известность ни глав кланов, ни старейшин. Их набеги совершались на соседние народы, недружественные тувинские родоплеменные группы, а также на выделившихся исключительным богатством соплеменников. Скотокрады редко прибегали к открытой агрессии с человеческими жертвами» [Кисель 2018: 155].

Как полагает автор, «главным устремлением кайгалов было усиление личного авторитета. По этой причине они обычно раздавали добытый скот бедным соплеменникам. Кража крупного рогатого скота у большинства тувинцев не считалась кражей, а воспринималась как перераспределение накопленной собственности. Образ кайгала сформировался в виде романтического защитника бедных. Затем в ходе революционных преобразований он превратился в борца против феодальной системы и маньчжурских завоевателей» [Кисель 2018: 153].

Ю. Л. Аранчын, тщательно изучив содержание различных устных рассказов, воспоминаний очевидцев событий и родственников участников событий восстания 1883–1885 гг., проверив и сопоставив с данными архивных документов на русском, тувинском и монгольском языках (включая архивные документы в городах Сибири и национальных архивов Республики Тыва и Монголии, выстроив всю хронологию событий, восстановил подлинную картину тех исторических событий и указал причины и цели вооруженного восстания 1883–1885 гг. Ученый установил имена всех «шестидесяти беглецов» (всего в списке Ю. Л. Аранчына значатся 68 имен, представители почти всех тувинских родо-племенных групп), как их тогда называли, и дал свою оценку, что так называемые «шестидесять беглецов» — это не «воры-скотокрады», хотя предвестником событий послужили угоны скота бога-

чей из Западной Монголии, а первые тувинские патриоты, поднявшиеся против тирании внутренних эксплуататоров и внешних оккупантов [Аранчын 2011: 9–12, 79–105].

Следом за ним о патриотическом содержании движения «шестидесяти беглецов» высказался и монгольский ученый, академик С. Чулуун: «восстание „шестидесяти богатырей“ стало одним из первых событий, всколыхнувших народные массы не только в Туве, Монголии, но и в самом сердце империи Цин — Китае» [Чулуун 2013]. Восстание «шестидесяти богатырей» стало хоть и хрупким, но одним из ранних предвестников скорого разложения и падения цинской администрации. Хотя, как известно, за 100 лет до событий «шестидесяти богатырей» и в середине XVIII в. вспыхивали народные восстания под руководством ойратского князя Амарсаны и хотогойтского князя Чингунжава против экспансии Цинской империи [Чимитдоржиев 2002: 101–127; Донгак 2022: 5–14].

В 2023 г. в Туве состоялась международная конференция, посвященная 140-летию «восстания шестидесяти героев», с участием монгольских историков, в докладе которых, основанном на источниках на маньчжурском языке, был также применен новый научный подход к этой теме: народное восстание тувинских аратов — одно из звеньев общемонгольского национально-освободительного движения [Сухбаатар 2023].

4. Тува в период господства Цинской империи (вторая половина XVIII – начало XX в.)

С падением Джунгарского ханства во второй половине 1750-х гг. в результате захвата его маньчжурами территория и население Тувы оказались присоединенными к территории Цинской империи [История Тувы 2014: 216]. Захватив территорию Тувы, маньчжурский император установил новое административно-территориальное деление, согласно которому самые густонаселенные части Тувы были разделены на Даа и Бээзи *кожууны*¹ (*хошуны*) [Аранчын

¹ *Кожуун* — исторически *хошун* (район), в современной Туве *кожуун* — административная единица, равная району (раньше во време-

2011: 42]. Общеизвестно, что управление Монголией, равно как и Танну-Урянхайскими землями, осуществлялось специальным министерством — так называемой «Палатой внешних сношений». Высшим представителем власти у царствовавшей маньчжурской династии был наместник императора — цзянь-цзюнь (чанчын¹), ставка которого была в Улясутае (ныне административный центр Завхан аймака современной Монголии).

Однако с установлением своего господства в Туве цинские власти наложили строгий запрет китайским и монгольским торговцам на ведение торговли в Туве, чтобы обеспечить себе монопольное право выкачивать из тувинцев продукцию их труда. «Категорически запрещая монгольским и китайским купцам торговать с тувинцами, цинское правительство преследовало цель, чтобы особенно ценный продукт — тувинская пушнина, получаемая цинами в виде албана², поступала только к маньчжурскому императору» [Маннай-оол 2004: 137]. Албан маньчжурскому императору обязывал вносить за один раз до 9 тыс. штук соболиных шкур. Поскольку собрать это было очень сложно, тувинские араты вынуждены были взамен соболей также сдавать шкуры ирбиша (снежного барса), рыси, выдры, волка, россомахи, лисы, белки и т. п. Так, например, 40 беличьих шкур равнялись одной шкурке соболя среднего размера. Ирбиш, рысь, выдра соответственно равнялись трем соболям. Волк, рысь, россомаха были равны половине шкурки соболя [Аранчын 1985: 25].

Во второй половине XIX в. тувинские кочевники, находясь под тройным гнетом — маньчжуро-цинской администрации, их монгольских феодалов-наместников и тувинских владетельных князей, а также в тисках грабительски-кредиторской кабалы русских купцов, оказались в самых невы-на Цинской империи хошун — это значительно большая территория, равная нескольким областям в современной России), административное деление, введенное в период Цинской империи [ТРС 1968: 245].

¹ Чанчын, монг. *жанжун* — наместник маньчжурского императора на захваченных территориях, генерал-губернатор.

² Албан — дань; повинность.

носимых условиях жизни и были доведены до отчаяния. В этот исторический период в Туве сложилась взрывоопасная общеполитическая и социально-экономическая ситуация, и, таким образом, были созданы предпосылки для возникновения в 1883–1885 гг. очагов движения сопротивления тувинских аратов, получившего первоначальное название «дело шестидесяти беглецов», поскольку тогда их называли «беглецами-ворами».

Зима 1885 г. выдалась необычайно суровой и снежной, вследствие чего был большой падеж скота, и среди народа начался голод. Кредиторы — русские купцы — при продажной позиции местных властей начали беспощадно преследовать и заставлять платить по счетам и так до нитки обобранных и обнищавших, голодных людей и даже покупали их самих в рабство [Аранчын 2003: 15–19]. Такое положение дела стало почти массовым не только в западной части Тувы — на Хемчике, но и в других местностях. В этих условиях араты делали неоднократные попытки не соглашаться с таким положением дел и пытались донести свое мнение до местных чиновников и правителей, пытаясь найти у них защиту и покровительство по отсрочке выплаты долгов [Аранчын 2011: 59–70].

5. Вооруженное восстание 1883–1885 гг. в фольклоре и литературе тувинцев

Тексты различных фольклорных жанров о «шестидесяти богатырях» можно сгруппировать следующим образом: 1) песни, сочиненные самими повстанцами (поскольку повстанцы — авторы песен были носителями народных поэтических традиций, эти образцы фольклора сочинены в рамках традиции — аллитерация начальных строк с синтаксическим параллелизмом); 2) поговорки, пословицы, образные выражения — образцы малых жанров народной афористической поэзии, появившиеся уже в более позднее время, после казни участников восстания. В содержании поздних образцов поговорок и пословиц появляются социальные мотивы, выражающие чувство гнева и ненависти к угнетателям.

Художественную трактовку событий 1883–1885 гг., содержание и смысл национально-освободительной борьбы простых аратов впервые в тувинской литературе осветил Народный писатель Тувы, драматург В. Ш. Кок-оол, написав героическую пьесу «Самбажык», в которой он художественно достоверно описал собирательные образы «шестидесяти богатырей» — в большей части молодых людей в возрасте от 20 до 50 лет. Пьеса, безусловно, написана в контексте народной памяти — свидетельств, воспоминаний близких, детей и родственников мучеников [Кок-оол 1966: 56–111].

Содержание фольклорных текстов со временем подвергались изменениям: если первоначально песни были пронизаны отвагой и оптимизмом, выражающими мечты и чаяния о свободной от угнетателей и богачей благополучной и счастливой жизни, то более поздние варианты различных жанров фольклора (песни, поговорки и пословицы и устные рассказы), авторами которых были уже другие люди (свидетели, родственники, сочувствующие), были проникнуты чувством скорби, печали и трагизма в связи с подавлением восстания и гибелью героев.

Весной и летом 1884 г., когда начались массовые поимки и репрессии, повстанцы-«скотокрады», будучи в бегах от властей и маньчжуро-цинских и монгольских солдат, довольно длительное время укрываясь в лесах и горах, стали сочинять песни и поговорки о цели своего движения и о своей судьбе. Впервые эти песенные образцы были тематически сгруппированы исследователем тувинской музыки А. Н. Аксеновым как песни о восстании «шестидесяти богатырей» среди прочих тувинских народных песен. Так, в его книге «Тувинская народная музыка» были напечатаны три песни: «Буура», «Алды баштыг Кара-Даг» («Шестиглавый Кара-Даг»), «Туттурбайн чорза-чорза» («Я ходил, не сдаваясь врагу») [Аксенов 1964: 125–127].

В целом эти вышеназванные образцы можно отнести к жанру народных песен и классифицировать как песни *исторические*, возникшие именно в тот период, когда про-

исходили непосредственно события вооруженного восстания против угнетателей, а именно в 1883–1885 гг. В содержании этих песен также упоминаются имена реальных людей, в частности таких представителей власти, как Торлук мээрен, Сенги чангы, Амбын-ноян, Эжен-хаан (император Цинской империи), удальцов по имени Самбажык, Сарыг-Самдан, Ээрен-Хоо, Хуртей и т. д. В свое время один из основателей тувинской художественной литературы, Народный писатель Тувы С. Б. Пюрбю дал такое определение народным песням: «в тувинском народном творчестве народные песни (*ыр*)¹ и *кожамыки* (*кожаңнар* ‘припевки’) занимают одно из видных мест. Народная песня — это полноценное стихотворное сочинение, исполняемое под музыку, с одной стороны, это поэтическое произведение, а с другой — музыкальное произведение» [Пюрбю 1976: 81]. Внутрижанровое различие между песней и *кожамыками* А. Н. Аксенов объяснил таким образом: «*ырлар* — в дословном переводе „песни“, в более узком значении — медленные песни лирического характера, и *кожамык* — в дословном переводе — „присоединяемые“ в значении жанрового названия — быстрые песни лирического и шуточного характера, исполняемые по очереди двумя певцами, соревнующимися в подборе и импровизации текстов (как в народных русских припевках и частушках)» [Аксенов 1964: 11].

По жанровым признакам вышеотмеченные А. Н. Аксеновым три образца песен из цикла, посвященного шестидесяти богатырям, можно определить именно как подлинные народные песни, поскольку они сочинены в рамках традиции, и в композиции этих песен ярко выражены традиционные художественно-стилистические приемы (подчинение обязательной начальной аллитерации и параллелизму строк). По замечанию С. Б. Пюрбю, «в тувинском фольклоре бытовало немало исторических песен, связанных с реальными личностями и историческими событиями. Среди них главное место занимают песни о шестидесяти богатырях, в содержании которых описываются

¹ Курсив наш. — Е. А., А. Д., А. М.

от начала до конца события их вооруженного восстания, направленные на внешних завоевателей» [Пюрбю 1976: 88]. Содержание песен ясно показывает, что их авторы и есть непосредственно участники восстания. В этих песнях они говорят о своей жизни и

*Алган эвес, албаан-на бис,
Алган диртип чору-ла бис.
Алган диртип чорза-чорза,
Алган аттыг апардывыс.*

[Пюрбю 1976: 88]

Содержание четверостишия ясно показывает в чем корень конфликта между феодалами и простыми аратами, в дальнейшем переросшего в вооруженное восстание.

Тувинским ученым Г. Н. Курбатским проведен фольклорно-культурологический анализ событий 1883–1885 гг. [Курбатский 2001: 245–262].

Как отмечалось выше, социальное явление под названием *кайгалдаар*¹ ('воровать, угонять скот') широко бытовало у тувинцев с древности до современности. Таких людей тувинцы называли *кайгал*² — удалец (у монголов же называют *сайн эр* 'букв. хороший мужчина').

Участниками восстания были в основном бедные молодые парни, на которых действовали лживые уговоры их хозяев, обещавших, что, пригнав скот, они смогут разбогатеть и расплатиться с долгами, внести *албан* императору. К этим «удальцам» иногда примыкали простые араты, доведенные до отчаяния под тяжестью долгов и податей. Когда *кайгалы* пригоняли табуны лошадей, то при их дележе хозяева, обеспечивавшие угон хорошими конями, провиантом, весь пригнанный скот присваивали себе, оставляя «удальцов» опять без ничего. Но когда от монгольских князей стали поступать жалобы на «угонщиков скота» маньчжурскому императору (в архивах Тувы и Монголии сохранилось много документов цинского периода на монгольском, маньчжурском языках об этом явлении. — Е. А., А. Д., А. М.), то тот

¹ *Кайгалдаар* 'жульничать, воровать' [ТРС 1968: 219].

² *Кайгал* — 1) удалой, лихой, смелый; боевой // удалец, лихач, смельчак; удалой, лихой, смелый; боевой // удалец, лихач, смельчак [ТРС 1968: 219].

нелегкой судьбе, которую они выбрали, несмотря на неравное положение с властями. Они знали, что силы их неравны и у них нет шансов на победу, и все участники, не колеблясь, все равно пошли на путь вооруженного сопротивления:

Не брали, не воровали мы,
Своровали, говорят про нас.
Воровали, говоря, обвиняли, обвиняли,
«Взяли» про нас сказали.

(перевод: А. С. Донгак).

издал указ своим монгольским наместникам об поимке и жестком наказании, а те в свою очередь перепоручили расследование местным тувинским правителям [НА РТ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 90. Л. 97–98]. Так, верховный правитель Тувы амбын-нойон Олзей-Очур организовал карательный отряд, который путем долгого выслеживания постепенно арестовал и разгромил повстанческие силы. И если кто из «воров», что занимался этим опасным «ремеслом», попадал в руки властей, то их наказывали самым жестоким образом, применяя к ним так называемые *тос эрии* 'девять видов пыток' [Аранчын 2011: 101–105], многим из них отрубали головы. Феодалы-подстрекатели всегда выходили «сухими из воды», поскольку «удальцы» даже под самыми страшными пытками не выдавали своих хозяев, думая о членах своих семей. Хозяева же, наоборот, охотно выдавали имена своих поданных-воров властям [Аранчын 2011: 102].

Так постепенно появились первые антифеодальные мотивы в движении «удальцов», которые не соглашались с обвинениями в воровстве. В 1879–1881 гг. в среде «воров» стали появляться те, кто не стал соглашаться с таким положением дел и начал, в отместку местным властям, совершать набеги на стойбища своих хозяев-феодалов. Были даже зафиксированы случаи нападения на обозы с податью, которую везли в Улясутай для цинского императора, а затем награбленное раздавали беднякам. Сами же «удальцы», спасаясь от расправы, стали группами уходить в леса и горы. Постепенно количество так называемых «воров-удальцов», восставших с оружием в руках и пря-

чущихся от властей, стало увеличиваться и охватило территории Даа и Бээзи хошунов, поскольку к ним стали примыкать и те бедняки, которые решили не соглашаться с социальной несправедливостью. В народе это движение было названо «Алдан Дургун» —

*Айттарыңар эзертеңер,
Аргамчыңар дергиленер,
Алды баштыг Кара-Дагже
Алдырбайн бараалыңар!*

*Оорарган Оргу-Шөлге
Оңгу кылып алытылыңар,
Алды баштыг Кара-Дагга
Амыр-шөлээн чурттаалыңар!*

[Тувинские 2015: 254]

тив русского купца Сватикова в Западной Туве в 1878 г. Исследователи отмечали, что движение недовольства тувинских аратов действиями русских купцов в 1876–1878 гг. было частью их борьбы против и своих местных правителей [Аранчын 2003: 15]. Со временем их стали называть «Алдан Маадыр» — «60 богатырей / героев»

К 20-летию образования Тувинской Народной Республики (ТНР) вышел Указ Президиума Малого Хурала ТНР о признании «тех 60 человек, которые подняли восстание в 1883 г. в Хемчике против внутренних и внешних угнетателей, называть не „удальцами-беглецами“, а „шестьюдесятью богатырями“ и установить в тех местностях, где они пребывали, памятные знаки, и Государственный музей ТНР назвать именем „Шестидесяти богатырей“» [Аранчын 2011: 6–7]. Так удальцов-скотокрадов причислили к борцам с классовыми врагами и маньчжуро-цинскими оккупантами.

В разгар движения, в 1883–1885 гг., «беглецов» больше всего заботила судьба близких — жен, детей и других членов семьи, поскольку власти направляли директивы своим приспешникам-солдатам о конфискации скота, лишении всего имущества семей участников восстания, о мерах их физического наказания, включая детей, родителей. Например, устные рассказы очевидцев событий дошли до наших дней и свидетельствуют о том, что были указания «сыновьям участников восстания выколоть глаза, а

«60 беглецов» [Дулов 1956: 287–302; История Тувы 2014: 299–304]. В это время стали появляться песни-призывы, которые характеризуют дальнейшее развитие конфликта:

Одним из толчков народного недовольства стало выступление аратских масс про-

Лошадей своих седлайте,
Арканы свои приторочьте,
На шестиглавый Кара-Даг
Убежим-ка, спрячемся!

На простирающемся Оргу-Шоле
Укрытие-заслон сделаем,
На шести седловинах Кара-Дага
Спокойно-свободно заживем-ка!

(перевод: З. К. Кыргыз).

дочерям выломать ноги» и т. п. [Аранчын 2011: 98].

Так, в пьесе В. Кок-оола «Самбажык» жена одного из персонажей, арата Оппукая, обвиненного в воровстве, была схвачена властями и подвергнута *тос эрии*¹, а его самого заковали в *кинчи*² [Кок-оол 1966: 111].

В частности народная молва свидетельствует о том, что «удальцов» по имени Сарыг-Самдан и Ээрен-Хоо (позже их товарищи сочинили песню о них) из местности Чыргакаы их же хозяева выдали властям, а затем казнили, отрубив им руки и ноги. Жестокость властей по отношению к «удальцам» не знала границ. Так, если беглецы попадали в руки властей, то зимой их запирали в юрте, затем их руки и ноги протаскивали через дыры в стене юрты наружу и привязывали, чтобы эти конечности замерзли в сильный мороз, а затем отрубали их. Иногда мелко крошили шерсть и волосы конского хвоста и капали обвиняемым «удальцам» в глаза и так ослепляли [Аранчын 2011: 102].

6. Песни, которые сочиняли участники событий «шестидесяти беглецов»

Из цикла песен, посвященных «шестидесяти богатырям», самой популярной является песня «Алды баштыг Кара-Даг»

¹ *Тос эрии* — девять видов пыток, система физического наказания, применявшаяся в Цинской империи.

² *Кинчи* — прям. и перен. ‘оковы, кандалы, цепи’ [ТРС 1968: 241].

(«Кара-Даг¹ с шестью вершинами-головами»), которую сочинили и пели, по нашему мнению, сами повстанцы. Главный персонаж песни — гора Кара-Даг, одна из седловин горной гряды Западные Саяны, образ которой был поэтизирован. Это место — полевой лагерь повстанцев, где они скрывались от преследователей и цинских солдат-карателей, посланных властями. Гора Кара-Даг — не только географиче-

ский объект, гора в фольклорном тексте выступает также как символ родины — тувинской земли, в которой угнетенные и доведенные до физического и морального истощения молодые люди мечтают о своем собственном *аале*-очаге, где бы они жили свободной, счастливой и сытной жизнью. Впервые эта песня была напечатана в книге А. Н. Аксенова «Тувинская народная музыка»:

*Алды баштыг Кара-Дагны,
Аал кылып алылынар.
Алызында барып-барып,
Амыр-шөлээн чуртталыңар.*

*Чеди баштыг Кара-Дагга,
Четтирбейн баргай-ла бис.
Адыр-Баштыг Кара-Дагга,
Алдырбайн баргай-ла бис.*

*Оргу шөлдүг Кара-Дагны,
Оңгу кылып алылыңар,
Опчак, хоптак Сенгинчикти,
Ол-ла черге даяладыл.*

*Каипак-кадыр Кара-Дагны,
Хаан кылып алылынар.
Оорарган Оргу-Шөлдү,
Олбук кылып алылыңар.*

[Аксенов 1964: 126]

Шестиголовую гору Кара-Даг
*Аалом*² своим сделаем,
В будущем в конце концов
Мирно, свободно будем жить.

На семиглавом Кара-Даге
Не будем настигнуты.
На многоглавом Кара-Даге
Не дадимся врагу.

Кара-Даг с Оргу-Шодем
Окопом сделаем.
Шального, жадного Сенгинчика³
На месте уложим.

Отвесной Кара-Даг с ущельями
Нарами сделаем.
Возвышенную долину Оргу-Шоль⁴
Коврыком сделаем.

(перевод: А. Н. Аксенов).

О широкой популярности этой песни среди «удальцов» говорит тот факт, что в книге «Тувинские народные песни и обрядовая поэзия» были приведены шесть вариантов этой песни: Кара-Даг в текстах то «шестиглавый» [Тувинские 2015: 252–254 (№ 181, 189, 203, 204)], то «двуглавый» [Тувинские 2015: № 195], то «труднодоступный» [Тувинские 2015: № 196].

Как известно, в фольклорно-эпической традиции монгольских народов, как и народов Саяно-Алтая, образ гор является одним из центральных. В свое время монголовед К. Н. Яцковская отмечала, что «самый по-

стоянный характер носят локальные связи *туулей*⁵ и народных песен. У них общее место действия: Алтай и Хангай. Это — общий образ родины для эпоса и для песен. *Магтаал* — хвала Алтаю, Хангаю — традиционно звучит перед исполнением туули. Элементы художественной системы магтаала⁶ рассыпаны по народным песням. Образ мглистого Алтая, можжевелистого Хангая имеет бесконечные вариации в народных песнях» [Яцковская 1988: 56]. В целом о значении понятия горы в монгольском эпосе как о центре, святом месте, символе могущества и благодати пишет и известный российский

¹ Кара-Даг — гора; Дзун-Хемчик (территория современного кожууна Сут-Холь).

² Аал — 1) аал, селение; табор; 2) дом // домашний [ТРС 1968: 27].

³ Сенгинчик — один из мелких западнотувинских феодалов-наместников, отличившийся своей жадностью, коварством, лживостью и другими отрицательными качествами, приняв-

ший самое активное участие в поимке и жестоком наказании участников движения «кайгаловудальцов».

⁴ Оргу-Шол — долина, раскинувшаяся у подножия горы Кара-Даг в Сут-Хольском кожууне.

⁵ Тууль — монг. 'эпические сказания'.

⁶ Магтаал — монг. 'жанр обрядовой поэзии (восхваление)'.

ученый, исследователь монгольского эпоса
С. Ю. Неклюдов [Неклюдов 2019: 79].

Другой образец песни, сочиненной самими беглецами:

*Сайлыг-Хемниң суун кешпес,
Сарадактыг мыйгак болдум.
Сай-ла өөрүм арнын көрбөс
Сарыг-Самдан болу бердим*

Реку Сайлыг-Хем¹ не может переплыть,
Маралуха с детенышем я, что ли?
С друзьями не может встретиться,
Сарыг-Самдан² я, что ли?

*Элдиг-Хемниң эриин кешпес,
Эзириктиг элик болдум
Ээ-ле өөрнүң арнын көрбөс
Эрен-Хөө-ле болу бердим*

Берег [реки] Элдиг-Хем не может перепрыгнуть,
Самке косули с детенышем [подобен] я стал
Лицо товарищей многочисленных не может увидеть,
[На] Эрен-Хоо³ похож я стал.

[Аранчын 2003: 23]

(перевод: А. С. Донгак).

В этих словах вся правда и трагизм того, что повстанцы живут вдалеке от своих близких, живут, укрываясь от властей, в осадном положении в труднодоступных горно-таежных местах, что не имеют возможности увидеться с близкими. Песня также построена на параллелизме, используются приемы иносказания и сравнения: самих себя — с маралухой и косулей с детенышами, которые не могут перепрыгнуть через реку с крутым берегом-обрывом,

поскольку их новорожденные детеныши слишком малы и беспомощны; так и автор остался один и разлучен с остальными товарищами, потому что вынужден скрываться, чтобы не попасть в руки преследователей. Но в то же время звучит мотив презрения к очевидным опасностям и врагам, которые его поджидают, что видно из песни, записанной Н. Ф. Катановым у 24-летнего Дойжапа Кара-Монгуша 11 августа 1889 г. в местечке Чыргакаы:

*Дургун-даа бол, кайгал-даа бол,
Туттунчу-ла бээр-ле мен.
Дуруг-даа бол, хая-даа бол,
Туттунмайн халы бээр мен.*

Даже если я беглец и скотокрад,
Воссоединюсь я [с товарищами],
Даже если это скала или обрыв,
Прыгну я, не колеблясь, [не держась]!

[Аранчын 2003: 25]

(перевод: А. С. Донгак).

*Хары хейниң үрени-ле эртин
Кара баарым болган чувел!
Калга, дөрбет куну-ла эртин,
Чангыс аьдым болган чувел!*

Дочь чужого племени будучи,
Стала она моей единственной, любимой!
Халхасским и дорбетским жеребенком будучи,
Стал он конем моим единственным, надежным!

[Аранчын 2011: 125]

(перевод: А. С. Донгак).

Возможно, праосновой этих песен-четверостиший послужили традиционные мотивы, основанные на добрососедских с монгольскими народами человеческих взаимоотношениях (в песне прослеживается любовный мотив).

В следующем четверостишии приемом иносказания говорится о «беглецах», которые идут на «промысел». Ниже представлен фрагмент песни, записанной Н. Ф. Катановым у 50-летней женщины по имени Куулар Ток в местечке Чер-чарык 26 августа 1889 г.:

*Боо чүктээш олча тывар
Борбак кара акыларым.
Боозаарга төлүн алыр
Мойну кара хоюмну аар.*

Ружье навьючив, добычу добывающие
Братья мои смуглые, с щеками наливными,
Как осеменится, ягненком разрешается
О, овца моя с черной грудкой.

[Аранчын 2011: 127].

(перевод: А. С. Донгак).

¹ Сайлыг-Хем — река; Бай-Тайг, Дзун-Хемчик (ныне — Сут-Холь) — кожууны [ТРС 1968: 641].

² Сарыг-Самдан — один из участников восстания «шестидесяти богатырей», казненный

жестоким образом.

³ Эрен-Хоо — один из участников восстания «шестидесяти богатырей», казненный четвертованием.

После подавления восстания и жестокой казни их участников уже в среде народных масс и их родственников начали появлять-

*Туруг куду, хөлдү куду
Туттунмайн халый берзе.
Дургун кайгал Самдан-биле
Туттунчупкаш чоруй барза.*

*Хая куду, Туруг куду
Кактынмайн халый берзе,
Кайгал-биле, Самба-биле,
Каттыжыпкаш чоруй барза.*

[Тувинские 2015: 252]

Когда начались поимки, преследования, допросы и разбирательства, выявление и арест предводителей повстанцев, то начались первые потери в их среде. Тогда же

*Өвүрүнден булут үнгеш,
хадый-ла бээр, чай-ла бээр
Өртээлинден элчи келгеш,
Үзе-ле бээр, сүре-ле бээр;
Кудараан-на бодумайны
Кужур үнген Дөргүнүмнү
Кедерээн-даа бодумайны
Хендир үнген Дөргүнүмнү*

[Аранчын 2011: 128]

В этих строках параллелизм строится на иносказании и символикe явлений природы: облако, ветер и дождь выступают как традиционные символы горестных чувств, печали, неясности, безысходности дальнейшей судьбы и неотвратимости своей гибели от рук маньчжуро-цинских карателей; а название *Дөргүн* иносказательно — местность, где стоит родной *аал-юрта*, символизирует

*Човалаңныг кужур бодум,
Човап шылап чору-ла мен.
Чоорганныг кулугурлар
Удуп чыргап чыдыр-ла бе.*

ся песни, поговорки, пословицы, устные рассказы о таких героях, как Самбажык и Дажымба.

С утеса вниз, в озеро вниз
Не держась, прыгнуть бы [нам].
С беглецом, удалым Самданом
Взявшись за руки, уйти бы [нам].

Со скалы вниз, в озеро вниз
Не ударяясь, прыгнуть бы [нам].
С удалым, лихим Самбой¹
Объединившись, вместе уехать бы [нам].
(перевод: А. С. Донгак).

появились утрата силы воли, и они начали подвергаться растерянности, страху и грусти, которые отразились в следующих строках:

С Овюра², как появится облако,
то ветер подует, то дождь польет.
С *уртеля*³ как приедет погонщик,
Как начнет отделять и как начнет погонять,
Грустью охваченный, бедняга я,
Солончаком покрытый *Дөргүн*⁴ мой,
Бесшабашностью ведомый, удалец я,
Коноплей заросший *Дөргүн* мой.
(перевод: А. С. Донгак).

домашний очаг, разоренный и опустошенный сборщиками податей (забрали все, что можно было забрать, угнали и так малочисленный скот), оставленный бесхозным, куда он или они не могут больше вернуться...), потому *Дөргүн* покрылся солончаком и зарос коноплей. Ниже приводится куплет, записанный Н. Ф. Катановым в Улуг-Хеме у представителя рода *салчак* 1 мая 1889 г.):

Несчастный, бедный я,
Горесть и усталость испытываю я.
Одеяло и кров имеючи,
Спят счастливо в [постели] ведь...

¹ Возможно, речь идет о Самбажыке, одном из предводителей восстания, казненном впоследствии отсечением головы. Среди повстанцев было несколько людей с именем Самба (сокращенное от Самбажык).

² *Овюр* — монг. *өвөр тал* — юг, южная сто-

рона; совр. Овюрский кожуун Республики Тыва.

³ *Өртээл* — уст. 1) ямская станция, уртель; 2) расстояние, (перегон) 3) станция [ТРС 1968: 340].

⁴ *Дөргүн* — название местности в Дзун-Хемчикском кожууне.

*Дадай богда Таңдым өршээ!
Дадаазын дег тыным өршээ!
Уе богда Таңдым өршээ!
Удазын дег тыным өршээ!*

[Аранчын 2011: 131]

О, богда¹-владыка Танды мой, защити!
Как ниточка, хрупкую жизнь мою пощади!
О, богда-владыка Танды мой, пощади!
Словно веревочка, рвущуюся жизнь мою защити!
(перевод: А. С. Донгак).

Как говорили свидетели, когда пойманных солдатами «удальцов» везли в Монголию в город Улясутай на казнь на лошадях без седел, с завязанными за спиной руками, то многие из этих молодых ребят пели эти песни (по сути, это были песни-молитвы, так они молились окружающей природе, родной земле, прося о защите), зная, куда их везут и какие жестокие пытки им придется терпеть, пока их не убьют.

7. Выводы

По идейно-тематическому содержанию данный фольклорный материал относится к *историческому фольклору*, который сложился непосредственно во времена событий начала и середины 1880-х гг. и со временем превратился в отдельный пласт устного народного творчества тувинцев. В этих песнях самым неприглядным образом обрисовывается образ разных тувинских правителей. В частности чиновника Сенгинчика — одного из мелких тувинских чиновников-карателей, прославившихся своей жадностью, продажностью, коварством и жестокостью [Тувинские 2015: 251]. Еще одной содержательной особенностью проанализированных песен является то, что в них ярко и красиво показана природа Западной Тувы (территория Даа кожууна): реки Ишкин, Чыргака, Большой Ак, Нижний Ак, Сайлыг-Хем, Элдиг-Хем, озеро Сут-Холь, и, конечно, горы Кара-Даг и Буура, долина Оргу-Шол и т. п.

По жанровым признакам это в основном песни. Наши выводы опираются на исследование тувинского ученого З. К. Кыргыс, которая в своей книге «Тувинские народные

песни и обрядовая поэзия» привела образцы 32 песен, так или иначе касающихся темы восстания «шестидесяти богатырей», где исследователь классифицировала эти образцы как народные песни [Тувинские 2015: 249–253].

Вот какую оценку дал событиям 1883–1885 гг. известный историк Ю. Л. Аранчын: «Народ всегда бережет свою историю и он никогда не забудет наиболее значимых событий в ней и бережно передаст в виде наказа своим будущим поколениям. Такая добрая традиция называется историко-культурной мудростью или памятью...» [Аранчын 2011: 136].

В течение более чем столетие тувинский народ, помня о героизме простых тувинских аратов-скотоводов, восставших против произвола, предательства и несправедливости тувинских правителей, хищнически-захватнической политики китайско-монгольских властей и ненасытности русских купцов, сохранил в своем сердце чувство благодарности и любви за их героический вклад в национальную освободительную борьбу против тирании цино-китайских и других эксплуататоров.

Хотя в официальных документах Цинской империи говорилось о шестидесяти повстанцах, число реальных участников движения доходило до 300 человек, и в нем участвовали представители почти всех тувинских родоплеменных групп, при этом вооруженное восстание охватывало территорию и Даа (западная часть Тувы), и Бээзи (Восточная и Юго-Восточная Тува) кожуунов. В лесах и горах Тувы образовывались целые лагеря беглецов.

¹ Богда — будда; святой; аа, богда! о боже! боже мой! [ТРС 1968: 106].

Источники

- НА РТ — Национальный архив Республики Тыва.
- НА ТИГПИИ — Научный архив Тувинского института гуманитарных и прикладных исследований при Правительстве Республики Тыва.
- Чулуун 2013 — Устный доклад академика Академии наук Монголии С. Чулууна на Международной конференции, посвящ. 130-летию восстания «шестидесяти богатырей» (с. Алдан-Маадыр Сут-Хольского кожууна, Республика Тыва, 22 августа 2013 г.).
- Сухбаатар 2023 — Устный доклад монгольского историка, профессора На. Сухбаатара на Международной конференции, посвящ. 140-летию восстания «шестидесяти богатырей» (с. Алдан-Маадыр Сут-Хольского кожууна Республики Тыва, 21–22 августа 2023 г.).

Литература

- Аксенов 1964 — *Аксенов А. Н.* Тувинская народная музыка. М.: Музыка, 1964. 254 с.
- Аранчын 1985 — *Аранчын Ю. Л.* Алдан-маадырларның тура халыышкыны (= Восстание шестидесяти богатырей). Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1985. 106 с. (На тув. яз.).
- Аранчын 2003 — *Аранчын Ю.* Алдан-маадырлар // Улуг-Хем: литературно-худож. журнал (спец. выпуск, посвящ. 120-летию восстания шестидесяти богатырей). 2003. № 3 (37) 113. Июнь-июль. 78 с. (На тув. яз.).
- Аранчын 2011 — *Аранчын Ю. Л.* Тыва улустун-маадырлыгоруу (= Героический путь тувинского народа (исторические очерки)). Кызыл: Кооператив «Журналист», 2011. 208 с. (На тув. яз.).
- Донгак 2022 — *Донгак А. С.* Исторические предания и легенды тувинцев и устные рассказы и представления западномонгольских народов об Амарсане и Чингунжаве // *Mongolica*. 2022. Т. XXV. № 2. С. 5–14.
- Дулов 1956 — *Дулов В. И.* Социально-экономическая история Тувы. XIX – начало XX в. М.: АН СССР, 1956. 608 с.
- История Тувы 2014 — История Тувы: в 2 тт. Т. I. 2-е изд., перераб. и доп. Кызыл: Тываполиграф, 2014. 366 с.

Sources

- National Archive of the Tyva Republic.
- Tuvan Institute for Humanities and Applied Socio-economic Research (Government of the Tyva Republic), Scientific Archive.
- Chuluun S. Celebrating the 130th Anniversary of the Aldan-Maadyr Rebellion: An Oral Conference Report (August 2013, Aldan-Maadyr, Sut-Kholsky District, Republic of Tuva, Russia). (In Mong.)
- Sukhbaatar N. Celebrating the 140th Anniversary of the Aldan-Maadyr Rebellion: An Oral Conference Report (21–22 August 2023, Aldan-Maadyr, Sut-Kholsky District, Republic of Tuva, Russia). (In Mong.)

References

- Aksenov A. N. Tuvan Folk Music. Moscow: Muzyka, 1964. 254 p. (In Russ.)
- Aranchyn Yu. L. The Aldan-Maadyr Rebellion. Kyzyl: Tuva Book Publ., 1985. 106 p. (In Tuv.)
- Aranchyn Yu. The Aldan-Maadyr. *Ulug-Khem*. 2003. No. 3(37)/113 (June – July). 78 p. (In Tuv.)
- Aranchyn Yu. L. The Heroic Path of Tuvans: Historical Essays. Kyzyl: Zhurnalyst, 2011. 208 p. (In Tuv.)
- Dongak A. S. Historical traditions and legends of Tuvans and narratives and ideas of the West Mongolian peoples about Amarsan and Chingunzhav. *Mongolica*. 2022. Vol. 25. No. 2. Pp. 5–14. (In Russ.) DOI: 10.25882/d8nx-zx98
- Dulov V. I. Tuva in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries: A Socioeconomic History. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1956. 608 p. (In Russ.)
- Vainshtein S. I., Mannay-ool M. Kh. (eds.) History of Tuva. In 2 vols. Vol. 1. Second edition, rev. & suppl. Kyzyl: Tyvapoligraf, 2014. 366 p. (In Russ.)

- Катанов 2007 — Катанов Н. Ф. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня // Урянхай. Тыва дептер: антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае–Танну-Туве, урянхайцах–тувинцах, о древностях Тувы: в 7 тт. Т. 1: Древние племена Тувы и сопредельных территорий Центральной Азии (II тыс. до н. э. – конец XIX в.). М.: Слово / Slovo, 2007. С. 494–583.
- Катанов N. F. A study of Uryankhay with its relation to other Turkic languages. In: Arakchaa K. D., Shoigu K. S. (eds.) Uryankhay. Tyva Depter: Anthology. In 7 vols. Vol. 1: Ancient Tribes of Tuva and Adjacent Central Asian Territories, 2nd Millennium BCE – Late 19th Century. Moscow: Slovo / Slovo, 2007. Pp. 494–583. (In Russ.)
- Кисель 2018 — Кисель В. А. Образ кайгала в тувинской культуре (эмоциональное восприятие и политическая конъюнктура) // Kunstkamera. 2018. № 2. С. 153–161.
- Kisel V. A. The image of *kaigal* in Tuvan culture (Emotional perception and political situation). *Kunstkamera*. 2018. No. 2. Pp. 153–161. (In Russ.) DOI: 10.31250/2618-8619-2018-2-153-161
- Кок-оол 1966 — Кок-оол В. Ш. Самбажык. Пьесы. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1966. 111 с.
- Kok-ool V. Sh. Sambazhyk. Plays. Kyzyl: Tuva Book Publ., 1966. 111 p. (In Tuv.)
- Курбатский 2001 — Курбатский Г. Н. Тувинцы в своем фольклоре (историко-этнографические аспекты тувинского фольклора). Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2001. 464 с.
- Kurbatsky G. N. Tuvans in Their Folklore: Historical and Ethnographic Aspects of Tuvan Folklore. Kyzyl: Tuva Book Publ., 2001. 464 p. (In Russ.)
- Маннай-оол 2004 — Маннай-оол М. Х. Тувинцы. Происхождение и формирование этноса. Новосибирск: Наука, 2004. 166 с.
- Mannay-ool M. Kh. Tuvans: Origins and Ethnogenesis. Novosibirsk: Nauka, 2004. 166 p. (In Russ.)
- Неклюдов 2019 — Неклюдов С. Ю. Фольклорный ландшафт Монголии. Эпос книжный и устный. М.: Индрик, 2019. 592 с.
- Neklyudov S. Yu. Folklore Landscapes of Mongolia: Published and Oral Epic Narratives. Moscow: Indrik, 2019. 592 p. (In Russ.)
- Образцы 1907 — Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым. Ч.IX: Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов: Тексты, собранные и переведенные Н.Ф. Катановым. СПб.: при Имп. акад. наук, 1907. 672 с.
- Radlov V. (ed.) Turkic Literary Narratives. Pt. 9: Uryankhay (Soyot), Abakan Tatar and Karagas. N. Katanov (coll., transl.). St. Petersburg: Imp. Academy of Sciences, 1907. 672 p. (In Russ.)
- Пюрбю 1976 — Пюрбю С. Б. Ырлар (Песни) // Тыва улустуң аас-чогаалы (= Тувинское устное народное творчество). Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1976. С. 84–99. (На тув. яз.)
- Puurbyu S. B. Songs. In: Tuvan Folklore. Kyzyl: Tuva Book Publ., 1976. Pp. 84–99. (In Tuv.)
- Тирон 2017 — Тирон Е. Л. Историческая память о восстании «Алдан Маадыр» в песенном фольклоре тувинцев // Сибирский филологический журнал. 2017. № 4. С. 51–57.
- Tiron E. L. Historical memory of the uprising “Aldan Maadyr” in the Tuvan folk song. *Siberian Journal of Philology*. 2017. No. 4. Pp. 51–57. (In Russ.) DOI: 10.17223/18137083/61/5
- ТРС 1968 — Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. 647 с.
- Tenishev E. R. (ed.) Tuvan-Russian Dictionary. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1968. 647 p. (In Russ.)
- Тувинские 2015 — Тувинские народные песни и обрядовая поэзия / сост. З. К. Кыргыс. Кызыл: МНЦ «Хоомей», Изд. дом «Сибирская горница», 2015. 432 с.
- Kyrgys Z. K. (comp.) Tuvan Folk Songs and Ritual Poetry. Kyzyl: Khoomey, Sibirskaaya Gornitsa, 2015. 432 p. (In Russ.)
- Чимитдоржиев 2002 — Чимитдоржиев Ш. Б. Национально-освободительное движение монгольского народа в XVII–XVIII вв. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2002. 216 с.
- Chimitdorzhiev Sh. B. National Liberation Movement of Mongols, Seventeenth–Eighteenth Centuries. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2002. 216 p. (In Russ.)
- Яцковская 1988 — Яцковская К. Н. Народные песни монголов. М.: Наука, 1988. 247 с.
- Yatskovskaya K. N. Mongolian Folk Songs. Moscow: Nauka, 1988. 247 p. (In Russ.)